

МИХАИЛ ЕФРЕМОВ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

год принес вам некоторые события, скажем так – не слишком приятные. Можете вы их как-то прокомментировать?

– Не знаю, нет... Я бы не хотел об этом говорить, потому что... Не все мои мотивы и обстоятельства известны широкой общественности, а вспоминать это и вспоминать мне не хотелось бы. Скажем так. Я ощущаю свою вину и думаю, что это в немалой степени помогло мне при работе над "Столпником". Потому что ощущение своей вины при такой работе, наверное, необходимо... В данных условиях, в данном месте и в данной стране.

– Миша, раз уж вы ставите философские фарсы, давайте пофилософствуйте. Тем более, речь зашла о стране. Смотрела я недавно Пресс-клуб. Там искали национальную идею. Кто-то сказал – а вот в Швеции вообще нет национальной идеи, а ведь как хорошо живут! Но большинство все-таки решило, что безбедное и комфортное существование как-то не тянет на национальную русскую идею. А вот для вас – что такое национальная идея?

– Я с опаской отношусь к таким терминам. Потому что не знаю хуже вещей, чем национализм. Это ведь отмазка для людей, которые все еще продолжают искать – кто же виноват? Мы русские, у нас четыре уха и поэтому мы лучше слышим, восемь глаз и потому мы лучше видим, и душа огромная – как наши просторы. Нет, это бред. Не национальная идея нужна, а скорее человеческая, религиозная... культурная, если хотите. Культурный человек, не интеллектуальный, а именно культурный, не будет искать национальную идею. Она ему просто не нужна из-за своей узости. В России главная беда, в тотальном отсутствии культуры – как понимания своей личной ответственности за происходящее. И бескультурье наше, в основном, увы, в городах, превратившихся в скопища маргиналов, а в провинции, в деревнях – знаете, там другая жизнь. Более чистая что ли, традиционная. Ну, попробуйте, скажите селянину во время страды про национальную идею. Он вас не поймет, надеюсь.

– Богат тот, кому достаточно, как Столпник выражается?

– Ну да.

– А что такое для вас свобода?

– Ух! Свобода – хорошая штука! Но это в первую очередь допускать свободу других. Честно говоря, я не могу сказать, что ощущаю себя свободным. Бывают иногда проплески... Но иногда.

– Сейчас у вас все как будто есть для создания собственного театра. И автор у вас – из лучших на сегодня, актер на главные роли тоже есть, художник, композитор, режиссер. Полный комплект.

– У нас нету директора-менеджера! Все упирается даже не в деньги, а в организацию.

– А разве вы, при вашей-то энергии, не можете организовать?

– Могу. Но сил нет. А у Никиты – музей отца, он взвалил на себя огромное, тяжелейшее дело, все на нервах. Но... Там посмотрим.

– Но мечта есть?

– Ну как от мечты убережешься?!

Есть. Есть.

– Слышила, Евгений Колобов предложил поставить вам оперу у него в театре.

– Да, это в ближайших планах. Опера Рубинштейна "Демон", по Лермонтову. Это предложение мне, конечно, и очень лестно, безумно интересно и страшно. Так что боюсь пока об этом подробно говорить. Ответственное дело. Уже не как сын выступаю, а как внук.

– Знаете, у Достоевского есть "Вечный муж", а вы – вечный сын, а теперь еще и внук – замечательного оперного режиссера Бориса Александровича Покровского.

Достается вам?

– Господи, да возьмите газеты почитайте. На премьеру того же

"Стол-

ника". Как нас там всех... И Никиту, и Женю Митту, и меня. А вопрос: "Трудно ли быть сыном Ефремова?" – я слышал сотни миллионов раз. Глупость какая. "Нет-нет, что вы, совсем не трудно."

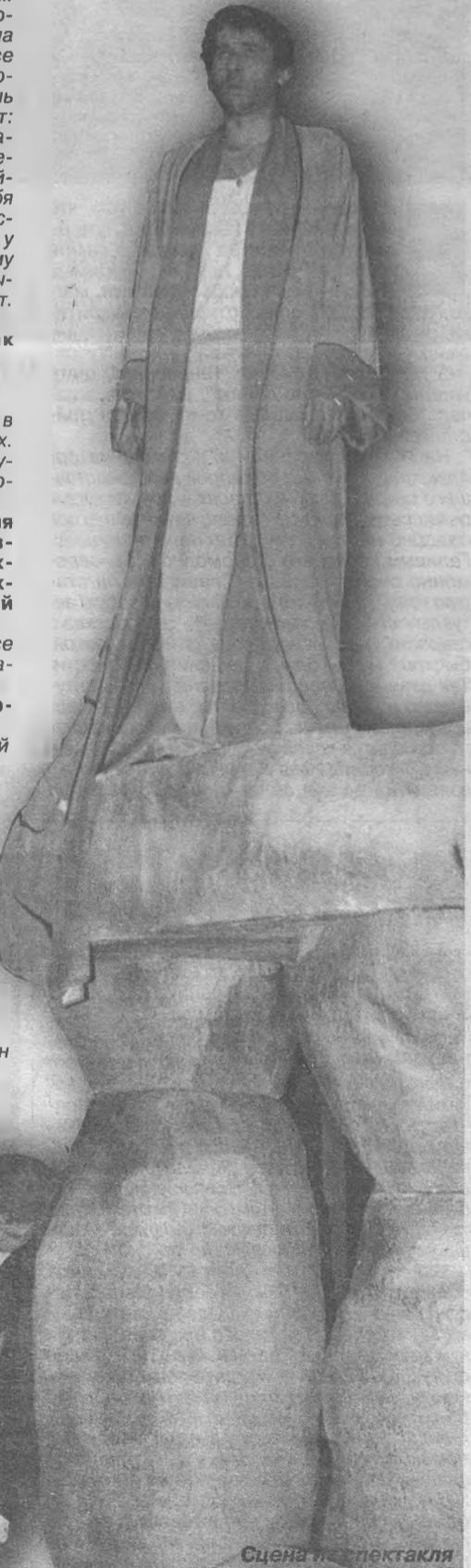
– Приятно?

– Да не могу сказать, что так уж приятно... Скорее (официальным тоном) ответственно и... полноценно.

– В "Столпнике" есть цитата из "Синей птицы", когда взвавшись за руки массовка распевает: "Мы длинной вереницей идем за синей птицей." Зал хочет, цитата в контексте спектакля выглядит и вправду смешно. Но ведь, в сущности, все мы, так или иначе, мечтаем ухватить за хвост эту синюю птицу? Ведь так?

– Так. Но по мне – достижение цели не главное, хотя цель и должна быть. Где-то там... Главное – движение, главное – "идем".

Нина СУСЛОВИЧ

тоже.

– Сам Охлобыстин назвал "Столпника" героической комедией. В чем же ее геройство?

– Геройство ее в том, что она не очень смешная. Здесь есть вещи, на которых не шутят. Кстати, называть это можно как угодно, любое название и определение всегда условно, так как зависит от вкуса человека и угла зрения. Вячеслав Михайлович Невинный, к примеру, назвал спектакль философским фарсом. Тоже хорошо.

– Мудрено все как. А в сущности, есть человек со смешным именем Максимилиан Арбузов. Талантливый авантюрист, чья профессия – за большие и очень большие деньги давать советы, создавать карьеры. Его услугами пользуются бизнесмены, желающие стать депутатами Думы, президенты, звезды эстрады и даже Папа Римский. Это в первом акте, а во втором Максимилиан на стол залез и молится начал, и каяться. Сергей Шкаликов играет потрясающее, и это вообще отдельный разговор. Но вот лично для вас – какой оправдательный мотив этому превращению – Арбузова в Столпника?

– Потому что когда-то надо остановиться. Понимаете, Макс – провокатор. Он спровоцировал одну смерть, другую...

– ... но ведь не желая этого...

– Да не-ет, не не желая... Он почувствовал себя всемогущим. Осталось, ну я не знаю, только Курский вокзал взорвать или что-то в этом роде. Вот он на стол и залезает. Он понял, что надо остановиться! Знаете, Анатолий Васильев, разбирая роль Зилова, сказал, что это неостановимый полет пули. Ну у нас, может, и не так тонко, но первый акт – что-то в этом роде. А вот во втором – остановка на полной скорости. Максу надо тормознуться, а народ-то уже заведенный вокруг и кричит – давай, давай! Это страшное дело.

– "Столпник" – ваш первый спектакль на большой сцене МХАТ, да еще в юбилейном сезоне. Я почему-то уверена, что в жизни, как и в творчестве, случайностей не бывает, все происходит в нужный момент и в нужном месте. И вот ваша компания с "новыми формами" – на сцене Художественного театра, в канун столетия. Есть ощущение покорения именно этой сцены?

– Да что вы, какое покорение. Есть надежды на это, ответственность большая – тоже есть, и благодарность – что дали это сделать. А спектакль – это ведь не премьера, а жизнь на сцене, развитие. Посмотрим, как он будет жить дальше. Мы с Никитой Высоцким будем прикладывать массу усилий, чтобы спектакль не распался на репризы. Пьеса-то смешная! И текст классный, репризный. Здесь главное держаться постоянно внутренней линии, а не идти на поводу у смеющегося зала.

– Все ваши друзья-товарищи по работе успешные, самодостаточные люди. А ведь театр – это режиссерская диктатура...

– Да же тираны...

– Ну вот видите. Как вы решали эту проблему – конфликты были?

– Конечно. Но я научился идти на компромиссы, потому что знаю – у меня самого характер совсем не сахар, и мои товарищи тоже вынуждены идти на компромиссы со мной.

– Вот о вашем характере. Последний